

Мила Дрим

Роза пустыни

Мила Дрим

Роза пустыни

«Издательские решения»

Дрим М.

Роза пустыни / М. Дрим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967788-4

Роза пустыни прекрасна и изысканна, но как жить, когда твои лепестки невинности уже давно сорваны нелюбимым мужем. Когда тьма и предательство сгущаются над твоей головой, когда ты почти потеряла надежду на счастье...

ISBN 978-5-44-967788-4

© Дрим М.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	13
ГЛАВА ПЯТАЯ	16
ГЛАВА ШЕСТАЯ	17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	20
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	22
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	25
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роза пустыни

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2019

ISBN 978-5-4496-7788-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои вымышлены, все совпадения случайны, однако автор был бы счастлив, зная, что подобная любовь существовала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Когда темнеет небо, когда отчаяние готово проглотить меня,
Я обращаюсь к Тебе с мольбой:
Господь мой, не оставь меня*

Средняя Азия, 8 век

Пора признаться и смириться – она проиграла. Проиграла сама себе в своих глупых, несбыточных мечтах. Такова ее доля – быть отвергнутой, быть одинокой. Не стоит плакать над своей судьбой – лучше принять ее с достоинством, которым был наделен ее род. Ее благородный, но обнищавший род. Былое величие и слава остались в прошлом. Потомкам великих персов досталось лишь их история и имя – и больше ничего.

Роксана грустно улыбнулась собственному отражению, пытаясь этой улыбкой поддержать отражавшуюся на серебряной глади красавицу. Но улыбка получилась грустной, а темные глаза предательски заблестели от подступивших слез. Она сомкнула веки, не позволяя слезам показаться по щекам.

Ей было двадцать семь лет – возраст по тем меркам уже не самой молодой женщины. Она была замужем уже десятый год – и столько же лет была одинока. Хотя, вероятно, одиночество ее было значительно дольше – Роксана уже не помнила того дня, когда яркое осознание собственной ненужности и одиночества однажды, внезапно посетили ее и больше не покидало красавицу.

Первые годы замужества женщина мечтала о детях – да, тогда бы ей было кому отдать свою нерастрченную любовь и нежность. Но время шло, проходил год, начался второй – она так и не забеременела. Тогда ее муж – Саид, взял в жены еще двух красавиц – те родили ему наследников, воплотив мечту мужчины в жизнь. А она, Роксана, стала не самой любимой, если не сказать, нелюбимой женой. И единственное, что удерживало Саида от развода, вероятно, была мысль о том, что красивая женщина покинет его дом, а этого он не хотел. Слишком уж она была красива, чтобы достаться кому-либо еще. Иногда, все же, он уделял ей время – однако, постепенно, его внимание ограничилось всего лишь подарками и крайне редко – поцелуем. Он был слишком занят своим счастьем, чтобы обращать внимание на красивую, но нелюбимую женщину. Зачем ему это, когда две другие были воплощением всего того, что мужчина так хотел?

Саид был высоким, темноволосым мужчиной, с широкими плечами и смуглой кожей. Он был из знатного рода, и в Тохаристане (некогда имевшее прежнее, многовековое название – Бактрия), в одном из его княжеств имел высокую должность, сравнимую, по уровню, разве со статусом визиря. Поговаривали, что совсем скоро Саид займет самое главное место в городе – место правителя. У него были все способности для этого – амбиции, некоторые знания, умение красиво говорить и, конечно же, деньги. За деньги можно было купить многое, если не все. Так он когда-то и купил себе первую жену – Роксану, отдав за нее немалые богатства ее родителям. Позже, конечно, мужчина был разочарован, что женщина не родила ему ребенка. Красивая и бесполезная – так, в сердцах, иногда он называл ее. Однако, после, когда Саида покидало дурное настроение, он позволял себе воспользоваться своей красивой и бесполезной женой, иногда посещая ее ночью.

Но это было в прошлом – потому что за прошедшие восемь лет мужчина, напроць, забыл о своих обязанностях перед Роксаной. Он, нарушая этим ее права, прекрасно знал, что жена не потребует у него развода. Кому она была нужна? Уже не девственница, бесплодная. Родители далеко, родных братьев нет. И некому было заступиться за нее. Поэтому, и по ряду других причин, Саид, не стыдясь, все свои ночи проводил со своими другими женами – белокуроыми

прелестницами, которые за восемь лет успели родить ему уже четырех детей – и всех – мальчиков! Это ли – ни счастье для мужчины? Это ли не гордость для него?

Она проиграла.

Истина – не в красоте счастье. Роксана со вздохом отложила гребень, сделанный из слоновой кости, которым минутой назад расчесывала свои блестящие, темные волосы. Они были у нее очень красивого, насыщенного оттенка – цвета кофе, и доходили до поясницы молодой женщины.

Она проиграла сама себе – в своих мечтах и надеждах, что когда-нибудь все изменится. Видимо, нет. Сегодня Роксана явственно осознала, что этого не случится. Нынешним утром, заведя Саида во внутреннем двореке их богатого, большого дома, молодая женщина не ощутила по отношению к мужу ничего, кроме отторжения. Если раньше Роксана думала, что любит его, если раньше, будучи семнадцатилетней девушкой, она испытывала первое время какое-то волнение перед ним и некую девичью радость и влюбленность, то теперь и эти чувства пропали из ее груди. Много причин было для этого – и то, что Саид позабыл о ней, увлекшись другими женами, но дело было не только в этом. Он был неприятен ей как мужчина. И близость с ним была неприятна Роксане, и вызывала у нее тошноту и почти отвращение. Первые месяцы молодая жена еще терпела, памятуя о том, что это может принести ей желанную беременность. Но уже во второй год замужества, она едва сдерживала свое отвращение, когда Саид, спешно закончив свое дело, скатывался с нее. Да простит ее Аллах, но в эти минуты Роксана ненавидела мужа. И теперь была уже рада, что Саид позабыл дорогу в ее спальню.

Но это не избавляло ее от той пустоты, что было в ее сердце. Там было холодно, одиноко и тоскливо. словно она, Роксана, и правда, была бесполезной, а еще, как говаривал Саид, что она – словно холодная змея. Такое сравнение оскорбляло молодую женщину, и давало ей повод усомниться в собственной нормальности. Ведь две другие жены – Амира и Малика – казалось, были довольны близостью с мужем.

Но не Роксана.

С каждым днем ее пустота в сердце становилась все больше и больше. И, если бы не ее вера, молодая женщина наложила бы на себя руки. Но она была мусульманкой, и понимала, что жизнь – это не только дар, но и испытание. Именно это, и ничего больше, давало Роксане сил жить дальше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Я страху предпочел смелость
Я выбрал путь, который не каждый в силах одолеть
Но, как же, бы мне хотелось
Порой, чуть большее в своей душе иметь*

Багдад

Солнечный свет падал сквозь высокие, вытянутые окна витража прямо на толстые ковры, оставляя на них золотистые, причудливые дорожки. Внутри помещения царил прохлад и тишина, окутанная еле уловимым ароматом благовоний, нарушаемая лишь приглушенными голосами. Мужчина с грацией хищника поднялся на ноги. Только что он завершил молитву, и теперь готов был принять письмо, которое принес ему гонец, прибывший с соседнего города.

– Напоите и накормите гонца, – эхом, раздался властный голос мужчины. Он направился к выходу из мечети. Приближаясь к дверям, мужчина ощутил жар, доносящийся снаружи. На мгновение, он прикрыл глаза, наслаждаясь своим уединением и короткими воспоминаниями. Затем, наконец, мужчина сломал восковую печать и развернул свиток. Быстро пробежавшись глазами по написанному, он свернул его – жестко, с холодной яростью. Смуглые пальцы мужчины превратили письмо в помятое несовершенство.

Он думал недолго. Затем, хищная усмешка изогнула его губы. Кто видел бы его со стороны, содрогнулся от нее – ибо она не предвещала ничего хорошего.

На рассвете следующего дня огромная, до зубов вооруженная армия, направилась на восток, сминая всех непокорных на своем пути.

Тохаристан – земля, запомнившая немало завоевателей. Земля, некогда носившая название Бактрия. Та самая Бактрия, где Александр Македонский удивил всех, взяв в жену местную красавицу. Это было много веков назад. После смерти легендарного полководца, Бактрия подверглась испытаниям – нашествиям очередных мужей, рвавшихся до власти. Она впитывала их культуру – греческую, индийскую. Поговаривали, что на территории Бактрии влияние Греции ощущалось значительно больше, чем в самих греческих городах. Гунны, скифские саки и еще другие народы, о которых не было указано в летописях – каждый, так или иначе, оставил след в этой плодородной, богатой земле, именуемой теперь Тохаристаном, разделенным на двадцать семь княжеств, в одном из которых и поселился Саид со своей семьей.

Роксана родилась не здесь – отсюда была родом ее мать. Родная земля молодой красавицы, откуда был родом ее отец, осталась позади – на территории некогда существовавшей Персии, которая теперь принадлежала арабам. Их появление принесло не только новую культуру, но и веру – единобожие. Ее семья приняла ислам, и эта религия органично влилась и в жизнь маленькой Роксаны. Несмотря на бедность, родители дали единственной дочери прекрасное образование, будучи уже сами грамотными – она в совершенстве владела арабским, умела читать Коран, и знала из него немало сур наизусть. Роксана умела считать, писать, и интересовалась историей. Ислам побуждал к поиску знаний, и девушка стремилась к этому.

В возрасте семнадцати лет, став женой двадцати четырехлетнего араба – Саида, она покинула вместе с ним родные земли, направляясь в восточные земли. Ее муж, будучи грамотным мусульманином, должен был принести свои знания в Тохаристан, вернее в одно из его княжеств. Вскоре, он получил не только признание, но и более высокий уровень жизни – богатый дом сменился на роскошный, сундуки стали наполняться золотом и драгоценностями, а послы, прибывавшие с восточных границ, начали предлагать Саиду все более выгодные предложения.

Утро. Солнце еще не нагрело воздух до такой степени, чтобы он обжигал легкие. Сейчас – самое время насладиться началом дня. Роксана, укутанная в темное покрывало, следовала вместе с Маликой и Амирой, вслед за Саидом по улочкам города. Пыль поднималась от каждого их шага, две женщины шли, о чем-то беседуя меж собой, Роксана же шла отдельно от них. Две жены Саида не любили ее, считая изгоем и змеей (те лишь повторяли слова мужа). Они шли мимо рынка, где Малика и Амира, смеясь, выбирали плоды – ярко-оранжевые апельсины, блестящие финики. Кто-то потянул Малику за подол платья. Та обернулась – в шаге от нее был нищий, его пересохшие губы шептали, прося о еде. Женщина нервно дернула свое одеяние, и резко отошла от нищего, бросая на него презрительный взгляд голубых глаз. Этот мужчина не был достоин того, чтобы коснуться даже края ее одежды! Быть может, сказать об этом Саиду – и тот прикажет высечь наглеца? Но внимание Малики привлекли сладости на широком подносе, и она, позабыв о голодном нищем, потянулась к ним.

Роксана все это видела. Сердце ее болезненно сжалось – сама-то она жила в роскоши, и почти не помнила – каково это – быть голодным, обездоленным. У нее с собой ничего не было, кроме как один из браслетов, украшавших ее тонкие запястья. Молодая женщина сняла один из них и незаметно сунула в смуглую ладонь просящего. Нищий что-то зашептал, и Роксана лишь кивнула головой, боясь, как бы муж не заметил ее поступка и не превратил ее действие дома в скандал. Саид был скуп. Но это были ее украшения, и она имела право раздавать их.

Они купили что-то на рынке, что именно – Роксана не обратила внимания. Эта утренняя прогулка носила более увеселительное значение, нежели необходимость. У Саида было немало слуг, которые ежедневно покупали свежие продукты, готовили, убирали, следили за его сыновьями, и делали еще десятки других дел господина. Но вот так, пройтись ранним утром по городу, который со дня на день станет принадлежать тебе, пройтись, в окружении красивых женщин – этого требовало самолюбие Саида.

Как только они оказались в приятной прохладе дома, Роксана тут же направилась к себе. Ее покои находились в удаленной части жилища, в его левом крыле. Кроме слуг, сюда никто не приходил. По негласному правилу, и Роксане не позволялось посещать другую часть дома – там, где обитали дети и жены Саида, да и он сам. Это вполне устраивало красавицу – у нее не было никакого желания общаться с ними – по ряду объективных причин. Она была лишней здесь. И, хотя Саид даже не догадывался об этом, все чаще голову Роксаны посещали мысли, чтобы попросить развод у него.

Однако ее уединение не продлилось долго – в ее покои прибежала молоденькая служанка. Запыхавшаяся, краснощекая, девушка, протянув госпоже обед, зашебетала:

– Госпожа, говорят, мы все скоро переезжаем во дворец. Ваш муж получил должность правителя города!!! Малика и Амира уже гоняют своих слуг – те готовят для них ароматные ванны, натирают их тела маслами и благовониями, этой ночью господин Саид решил устроить большой, прощальный праздник в этом доме. На кухне уже вовсю кипит работа. Госпожа, позвольте, и я вам помогу... – служанка окинула восхищенным взглядом Роксану, – хотя вы и так, признаться, красивы.

– Ты, как всегда, добра и внимательна, Айсель, – улыбнулась молодая женщина, – и все же, я прошу тебя помочь мне – заплети мне волосы – у тебя получаются самые красивые косы.

Служанка довольно кивнула головой. Прикоснуться к блестящему водопаду волос госпожи – это привилегия. Девушка начала аккуратно расчесывать их гребнем, рассказывая о новостях – Роксана слушала ее, но думала о своем. Какое-то странное предчувствие тяжелым грузом опустилось на ее грудь, тревожа и одновременно волнуя молодую женщину. Она не знала, с чем это связано, и что это могло значить. Поэтому, Роксане оставалось лишь прошептать молитву, чтобы успокоиться.

Вечер был шумным – десятки гостей прибыли поздравить Саида с новой должностью – каждый принес шикарный подарок для нового правителя города. Аромат сладкой выпечки, жареного ягненка, сладко-приторный аромат благовоний, с которым переборщили женщины – все смешалось, делая воздух тяжелым и дурманящим. Как обычно, женщины разместились в южной стороне здания, а мужчины – в северной, однако это не мешало некоторым из них ходить туда-сюда, общаясь и шепчась в затемненных углах дома.

Роксана была неприятно удивлена этим – подобное для мусульманского общества было неприемлемо – уединение с чужим мужчиной или женщиной – являлось запретом. Но Саид, глава дома, словно не замечал этого. Он был слишком занят – с довольной улыбкой принимая похвалу от своих почитателей. Роксана едва сдержала брезгливую усмешку – ей стало противно, так противно, что она, при первой возможности, ускользнула с праздника.

У себя в комнате она зажгла лампадку и достала книги, повествующие о жизни сподвижников последнего пророка. Углубленная в чтение, наконец, отвлеченная от тревожных мыслей, Роксана заснула только в последней трети ночи. Ей снился странный, непонятный сон, который еще больше принес волнение в ее сердце. Она проснулась прямо перед утренним намазом. Совершив его, молодая женщина уже собралась заняться своими делами, но что-то заставило ее покинуть комнаты и направиться в противоположную сторону дома.

Она шла тихо, даже дыхание Роксаны было неуловимо для человека. Женщина прошла через зал, в котором вчера проходило пиршество. С презрением в душе, Роксана обнаружила два сосуда, почти пустых. Подобные сосуды она видела в детстве, на рынке. Чуть подавшись вперед, молодая женщина тут же поморщилась – это было вино. Нехорошие догадки ворвались в ее разум. Уже смело, Роксана прошагала дальше и остановилась возле полуоткрытых дверей.

То, что она увидела, повергло ее в шок. Саид, две его жены расставляли горящие свечи возле какого – то изваяния, сделанного из золота. Затем, каждый из троих, подходил к нему, кланяясь, потом падая ниц и шепча слова.

Они молились изваянию.

Кровь застучала в ушах Роксаны, и первое, что она хотела сделать – ворваться в комнату и нарушить эту чудовищную картину, эту несправедливость. Но что-то напугало ее. Возможно, безумный взгляд, который она успела заметить у Саида. Ей стало страшно, что тот, применив силу, попытается и ее заставить совершить подобное. Эта мысль вызвала дрожь по всему телу Роксаны. Она, затаив дыхание, медленно попятилась назад, не сводя взора с мужчины и женщин. Затем, отступив на безопасное расстояние, красавица помчалась в свои покои.

Только в своих комнатах Роксана заметила, как трясутся ее руки. Она спрятала лицо в ладонях, силясь успокоить себя и уравновесить собственные чувства. Не сразу, но ей это удалось. Господи! Что же ей теперь делать? Ненависть, презрение к Саиду вспыхнули в ее сердце с удесятенной силой. Как такое возможно? Ведь десять лет назад он был благочестивым мусульманином? Быть может, она что-то не знала о нем?

Не знала.

Не знала еще, что тщеславие, высокомерие и потакание собственным порокам и жажда – власти, денег, всего – развели, как ржавчина, его душу, пропуская в нее тьму...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сердце видит ранние головы. (Восточная мудрость)

Их ожидала засада. За поворотом, что начинался после долины, их ждали лучники – их высокие луки были натянуты, готовые выпустить стрелы. Тогда, сотни и сотни мужей будут убиты, повергнуты, растоптаны и преданы бесславию. И никто не проберется через границы и не нарушит мир этих земель.

Он знал об этом – его разведка – лучшая, что могла быть во всем этом мире, принесла ему эту весть на рассвете. Воин улыбнулся.

– Как ожидаемо, – холодно заметил он. Затем, его взгляд устремился на всадников – они и их выносливые кони были одеты в тяжелую броню, изготовленную по совсем новой технологии, настолько новой, чтобы пробить их стрелами, нужно будет придумать их усовершенствованный вид и подобраться к воинам вплотную. Но это были необычные всадники – они мастерски владели луком, поражая цели, даже несясь на большой скорости.

Предводитель начертил на песке веткой расположение вражеских лучников и конницы.

– Мы обойдем их здесь, и нанес неожиданный удар, – кончиком ветки он проткнул нарисованный вражеский отряд. И хотя это был всего лишь рисунок, одно действие воина выглядело устрашающее. Будто только что – одним движением – он лишил жизни тысячи людей.

Вскоре, его идея воплотилась в жизнь. Застигнутые врасплох, с тыла, лучники были уничтожены, вскоре, их участь постигла и конницу – в поднявшейся буре пустыни, окутавшей место битвы, им не удалось спастись. Охваченные паникой, они, умирая, кричали, что сам дьявол пришел с этим ветром, чтобы уничтожить их, защитников родных земель.

И, отчасти, они были правы.

Потому что предводитель, возглавлявший войско завоевателей, размахивая окровавленной саблей, кричал лишь одно:

– Никого не щадить!

Роксана с тревогой всматривалась вдаль – окна ее новой комнаты, что была расположена во дворце города, позволяли молодой женщине увидеть бескрайние пески пустыни, что простирались, казалось, до самого горизонта. Солнце, опускаясь, отбрасывало кровавые пятна на небо и песок, словно предостерегая о грядущих событиях. Роксана поежилась, ей стало холодно, словно ледяной ветер ворвался в ее роскошные покои, унося с собой тепло и покой.

Она оглянулась, ожидая увидеть позади себя причину этого. Но женщина была одна в своей комнате. Роксана устало прошла до роскошной кровати, устланной шелковым покрывалом. Она прилегла на нее, прикрывая глаза. Гладкая ткань покрывала была приятна коже, но не душе Роксаны – она понимала, цена всему этому – адское пламя. Саид преступил опасную черту, и уже не намеревался возвращаться назад и приносить раскаяния.

Об этом Роксана узнала прошлым днем – когда Саид и его семья, перебравшись в роскошный дворец, собрались вместе за праздничным столом, на котором в изобилии были различные блюда, глава семьи сообщил, что в ближайшие дни начнутся перемены во всем мире. И первой из них станет появление высокочтимого гостя в доме – нового пророка, пришедшего с земель Инд. Именно его дня со дня на день ожидал Саид.

Эта новость ужаснула Роксану еще больше, чем то, что она видела тем злополучным утром. Молодая женщина попыталась скрыть свои чувства от мужа, и тот, кажется, не заметил ее состояния. К тому же, мужчина был слишком занят собственными мыслями и чувствами – предстоящее событие возбуждало его, вселяло силы и воодушевление. Ведь вместе с новым пророком придет и войско, в поддержку его, Саида. И скоро, вся Бактрия, а потом и Восток, станет принадлежать ему, верному слуге нового пророка.

Как же ей быть? Как поступить? Сбежать?

Или попытаться, все же, напомнить Саиду о том, что он впал в заблуждение? Бедные его жены, бедные его дети – что же он наделал?!

Сердце Роксаны разрывалось от гаммы чувств – страха, опасений, унижения, желания донести об опасности Саиду и его женам. Больше всего ее беспокоила участь их сыновей – они были еще малы, чтобы понимать, в какой ужас окунули их родители. Несмотря на несправедливость со стороны Малики, Амиры и их мужа по отношению к ней, молодая женщина не желала им гореть в аду. Но именно такова будет расплата – если они не расскаются.

Дверь в комнату приоткрылась – Роксана подняла голову – и увидела на пороге Саида. Тот с мечтательной улыбкой на лице, зашел в покои молодой женщины.

– Прекрасная Роксана, – начал тот, протягивая той ладонь, на которой покоилась длинная нить с жемчугом. – Одень это сегодняшним вечером.

Он говорил спокойным тоном. И сердце женщины сжалось, а воспоминания о первой встрече с Саидом заставило ее быть смелее.

– Саид, – выдохнула она, и тот внимательно посмотрел на нее, – что происходит? Почему ты отказался от ислама и последовал за тем человеком?

Мужчина чуть нахмурился. Затем улыбнулся и ответил:

– Мой пророк предупреждал меня, что кто-то захочет отговорить меня от истинной веры. Ты просто еще не осознала, не постигла истины, Роксана. Но я не теряю надежды, что и она озарит тебя. Как только ты познакомишься с пророком, ты поймешь, о чем я говорю.

Роксана не выдержала, и слова сорвались с ее губ, прежде, чем она подумала о последствиях:

– Наш пророк умер! Тот, о ком ты говоришь – лжец, коварный и опасный, который принесет смерть и пламя ада!

Раздался громкий звук – ладонь Саида отвесила молодой женщине пощечину. Роксана, прижав дрожащие пальцы к лицу, непонимающим взглядом посмотрела на мужа.

– Закрой свой рот, иначе я прикажу отрезать тебе язык, змея. Я хотел по-хорошему, но ты способна и святого довести до греха! – мужчина шумно выдохнул. – Ты наденешь красивый наряд, который тебе принесет твоя служанка. И ты станцуешь для моего дорогого гостя. Помнится, я как-то подглядел за твоим танцем, когда тебе было семнадцать. Уж придумай какой-нибудь танец и для гостя. Если только услышу несогласие с твоей стороны, я выполню свое обещание – и лишу тебя языка, а потом отдам воинам на потеху. У пророка уже немало последователей из нашего города, и все они влиятельные люди, и они поддержат меня. Ты поняла меня? Мой гость любит красивые зрелища, так что подготовься.

Не давая Роксане ответить, Саид спешно покинул ее покои.

Молодой женщине оставалось лишь залиться горькими, безутешными слезами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Человек, почитающий того, кого не следует почитать, вследствие недостатков последнего, сам приобретает его недостатки, подобно тому, как от вложенной в колчан пропитанной ядом стрелы заражаются другие, даже не пропитанные им. (Восточная мудрость)

Его глаза неотрывно следили за женской фигуркой, укутанной в воздушных, алых тканях. Она танцевала невероятно красиво, выразительно и танцевала, как в последний раз. Он уловил не только чувственность, но и отчаяние, сквозившее в ее грациозных движениях. И хотя на лице незнакомки, укрытом плотной вуалью, были видны лишь прекрасные глаза, мужчина не сомневался – танцующая женщина – редкостная красавица.

Десятки пар глаз наслаждались ее танцем и той чувственностью, которой исходило каждое ее движение. Безусловно, многие жалели, что на танцовщице было столь немало одежды. Единственное, что им оставалось – любоваться ее обнаженными стопами и кистями рук, увитыми жемчужными нитями.

Она танцевала перед сотней мужчин. Мужчин чужих, мужчин, желавших ее тело. Это ли – не позор для мусульманки? Роксана ощущала их раздевающие взгляды на своем теле. Эти взгляды делали больно не только коже женщине, но и ее душе.

Как ей хотелось забыться!!!

Она, на миг, сомкнула веки. Ее темные, пушистые ресницы, затрепетали. Затем, открыв глаза, Роксана продолжила свой прекрасный и такой безумный танец... теперь, ей казалось, будто вокруг нее нет никого. Лишь она одна. Красавица понимала, что это – лишь самообман, глупая, но сейчас такая нужная иллюзия. Иллюзия, чтобы не сойти сума, чтобы не возненавидеть себя за собственную трусость, слабость.

Как только музыка закончила свое звучание, Роксана выбежала из зала, затерявшись в веренище слуг, которые несли на широких подносах угощения для гостей...

Молодая женщина скрылась за распахнутыми, отделанными позолотой дверьми. Мужчина чуть нахмурился – как много роскоши было в этом дворце! Но это – ненадолго. Все скоро изменится. Невысокого роста, не выдающегося телосложения, одетый в просторный плащ из грубой ткани, он не вызвал ничьего интереса – на празднике было полно таких же, как и он... им было дозволено войти внутрь, дабы приблизиться к пророку – старцу, сидевшему на возвышении. Его густые, белые усы свисали по впалым, темным щекам, соединяясь с жидкой, но длинной бородой, доходящей до линии живота лжепророка.

Он мог бы приказать атаковать прямо сейчас, но для этого ему нужны были веские причины – его глаза должны были увидеть подтверждение того, о чем тихо говорилось последние месяцы. И вскоре, они увидели это.

Старец поднялся на ноги, величественно взмахивая тонкой рукой, пальцы которой были усыпаны блестящими перстнями с вишневого цвета камнями. Тут же, Саид, две женщины, и еще, с десятков мужчин, покорно склонились перед ним в поклоне. Лжепророк начал говорить какую – то речь. Которая, надо добавить, была выстроена очень грамотно и эмоционально.

Мужчина в простом плаще прислушался к речи говорившего.

– Я – ваше спасение! Следуйте за мной, и лишь тогда вас ждет спасение. Забудьте о том, что говорили вам раньше, все эти книги, все эти заветы – ложь. Истина стоит перед вами, и это – я!

С последними словами старца люди упали перед ним ниц, выкрикивая стоны и рыдания. Этого было достаточно. Погруженные в свои фанатичные стенания, Саид и его подданные не заметили некоего сигнала, который подал мужчина с накинутым на голову капюшоном. Не сразу они заметили и то, как в зал стали группами вливаться мужчины. Когда же до Саида,

его приближенных дошло, было слишком поздно. Они были окружены вражескими воинами. Зажатые в кольцо вооруженных незнакомцев, Саид, лжепророк и его люди оказались застигнуты врасплох.

– Схватить вероотступников, схватить предателей, – зловеще, холодно приказал невысокий мужчина.

Их тот час связали по рукам и ногам, в том числе и двух жен Саида, невзирая на их крики и проклятия. Их сыновья, заливаясь слезами, пытались помочь матерям, но были резко окрикнуты грозным голосом предводителя. Словно щенята, они попятились к своему отцу. Глаза Саида – блестящие, горящие высокомерием и злобой, скользили по лицам врагов.

– Разве не тебя отправили десять лет назад на эти благословенные земли, чтобы ты принес сюда Милость Господа – ислам, чтобы ты помог со знаниями людям? – нарушил воцарившуюся тишину холодный, мужской голос. – Разве ты забыл, что наш пророк – печать пророков, а это значит, что после него не будет никого?

– Это лишь сказки, которым я был одурочен, – сплюнув на пол, пренебрежительно ответил Саид. – Вот – истинный пророк.

Он качнул темноволосой головой в сторону старца. Тот величественно кивнул – на его старом, морщинистом лице застыло блаженное выражение.

– Именно так, – произнес тот, улыбаясь.

В конце концов, ему – то нечего было терять. В свои семьдесят лет он хорошо пожил, и под конец получил свою славу и признание. «Достойное» окончание жизни – именно так думал лжепророк. Но думать и знать – это совершенно разные вещи. И он не знал, что слава, полученная такой отвратительной ложью, принесет позор и унижение.

Амира запричитала и что-то зашептала Малике, а та, в свою очередь, крикнула Саиду. Тот вскинул голову и перевел злой взор на предводителя врагов.

– Вы забыли взять под стражу мою третью жену, – усмехаясь, сообщил он. – Ту танцовщицу.

Роксана бежала по лабиринту коридоров. Прочь! Подальше от позора! Достаточно ей и сегодняшнего унижения. Слезы лились по ее прекрасному лицу, все еще прикрытому вуалью. Слишком погруженная в свою боль, молодая красавица не осознавала, что ее одеяние – ярко-алое, не останется незамеченным. Она не догадывалась, что ее бег – странный, стремительный, насколько позволяли ей силы, заставил присутствующих здесь воинов врага, которые уже обезоружил охрану и часовых, обратить на нее пристальное внимание.

И они не дали ей уйти. Чьи-то руки перехватили ее и потащили назад, в тот самый зал, откуда Роксана с невероятным желанием и стремлением убегала, терзаемая болью и унижением. Все развивалось столь быстро, что красавица не могла сообразить, как все произошло: вот она бежит, вот схвачена, а вот – ее швырнули на пол, в ноги какому-то незнакомцу.

– Прекрасная Роксана, – выкрикнул Саид, не обращая внимания на злые взгляды воинов, что окружали его, – не думай, что я мог забыть про тебя.

Он смотрел на нее. Поверженную. Укутанную в алый шелк, и все же, откровенно красивую. Хотя лицо ее было до сих пор закрыто. Предводитель воинов сдержал инстинктивное желание сорвать с нее эту вуаль. Вместо этого, он сжал ладонь в кулак. Она – жена врага и, вероятно, вероотступница. И все же, ее не было среди тех, кто пал ниц перед лживым стариком.

Но она танцевала для него танец.

Мужчина окинул ее пронзительным взглядом и, встретившись с ее выразительными, темно-кариыми глазами, замер, пораженный тем, что увидел в их глубинах.

Она была уязвлена и в этот миг так похожа на раненую, загнанную газель.

Роксана во все глаза смотрела на мужчину. О, этот взор – смелый, пронзительный, без тени лжи и лицемерия. Так на нее никто еще не смотрел. Кроме него. Молодая женщина

не в силах была отвести свой взгляд от смотрящего на нее мужчины. Она узнала его. Все годы – четырнадцать лет Роксана считала его погибшим. Перед ней был тот, за кого она когда-то мечтала выйти замуж.

Перед ней был Дауд.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нельзя остановить пение безумца, лепет ребенка и слов женщины... (Восточная мудрость)

Пятнадцать лет назад

– Роксана! Где ты? Уже пора идти домой! – голос матери заставил двенадцатилетнюю девочку напрячься.

– Еще чуть – чуть, – приглушенно отозвалась она, выглядывая через забор.

Еще немного, и воины, среди которых будет он, выйдут из мечети и пройдут совсем близко, и тогда, быть может, тот самый обратит на нее внимание. Поглощенная этими мыслями, а так же необычайным волнением, Роксана перегнулась слишком сильно через забор. И, в тот момент, когда отряд воинов, покинувших мечеть, проходил мимо, она полетела вниз, прямо к мужчинам. Один из них оказался самым ловким и внимательным. Он поймал падающую девочку, не позволив ей расшибиться. Стоило Роксане посмотреть на того, кто спас ее, как сердце ее затрепетало – это был Дауд.

Ее молитвы были услышаны – он обратил на нее внимание. Какой-то миг, они смотрели друг на друга, удивленные такой странной встречей. На лице девочки сияла невозмутимая, влюбленная улыбка. На мужественном лице Дауда – сосредоточенный взгляд, поджатые губы. Но и столь суровый мужчина не смог долго противостоять обаянию Роксаны. Вскоре, он улыбнулся – и лицо его преобразилось.

– Осторожнее, газель, – произнес Дауд, аккуратно ставя девочку на ноги.

Она задержала на нем взгляд – и воин невольно вздрогнул – таким он был пронзительным и взрослым. А затем, случилось это – Роксана, протянув руку, раскрыла ладонь, на которой покоился недавно сорванный, нераскрытый бутон белой розы.

Дауд не хотел обидеть девочку, поэтому принял ее дар с молчаливой и, отчасти, благодарной улыбкой.

В следующий раз они встретились снова в их городке спустя год. Дауд не сразу узнал в вытянувшейся девочке, стоявшей на пороге в юность, в девочке, укутанной в темное покрывало ту, которая упала ему буквально в руки.

В этот раз Роксана стыдливо отвернулась, увидев Дауда. Верный соратник уже тогда прославленного Халида, изменился – стал взрослее, и как-то огрубел. Все его движения приобрели отточенное совершенство и источали затаенную силу и ловкость, внушая этим уважение и трепет. Он зачем-то подошел к ней, вероятно, чтобы просто убедиться, что с девушкой все в порядке. Роксана, почувствовав его приближение, резко обернулась и окинула его все тем же пронзительным взглядом.

– Я бы хотела тебя дождаться, – прошептала она тогда, прикрывая от волнения глаза. Ее голос дрожал, выдавая чувства девушки.

– Если это будет угодно Аллаху, мы встретимся вновь, – эхом, отозвался Дауд, пораженный словами Роксаны. Его сердце дрогнуло от сладкого ожидания и какой-то, еле уловимой, нежности.

Слова Дауда Роксана восприняла, как обещание. Они вселили в ее девичье сердечко радость и надежду. И эта надежда целый месяц окрыляла Роксану. А потом, она узнала, что Халид и его воины попали в шторм и их судно затонуло. И часть ее умерла в тот день, когда она узнала о гибели Дауда.

«Если это будет угодно Аллаху, мы встретимся вновь».

Он встретились снова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Клянусь Аллахом, трусость не продлит мне жизнь, а храбрость не уменьшит ее (Меч Аллаха – Халид ибн – Валид).

Его звали Дауд. Рожденный в Малой Азии, сын простого пастуха.

Его звали Дауд – такое имя ему дали, назвав в честь благородного пророка Давида – мир ему. Пророка, прославившегося своей силой, простотой и искренней верой.

Но Дауд был рожден не для того, чтобы пасти овец, хотя это давалось ему легко, и он нередко помогал или заменял своего отца. Он был рожден, чтобы стать воином. Дауд рос задирстым мальчишкой – сражался с каждым, кто, по его мнению, косо смотрел на него, или, уж тем более, не проявлял уважения. Но ведь уважение, сперва, нужно было заслужить.

И он заслужил его.

Кулаками, шишкам, царапинами, ранами, Дауд дрался отчаянно, и каждый раз – как в последний. Он выбил соседским мальчишкам зубы за то, что те обозвали его оборванцом. Он сломал нос дальнему родственнику, посмевавшему раскритиковать его нежную, всегда тихую мать. Дауд, так или иначе, заслужил свое уважение. Вскоре, этого невысокого паренька, начали побаиваться в родном городе. И уважать – не только за силу, но и смелость – в словах и действиях.

Спустя время, он и несколько его друзей, отправились в путешествие. Они прошли по северу Аравийского полуострова, затем, прибыли в Александрию, и именно там, на какое-то время осели, дабы получить религиозные, и не только, знания. Школы Александрии славились на весь мир своим самым главным богатством – книгами. Их было сотни тысяч в их библиотеках.

Спустя время, Дауд познакомился со своим другом и, в будущем, предводителем, Халидом, и присягнул ему на верность. Уже вместе с ним, а так же еще двадцати девятью воинами, они начали путешествие по востоку. На одной из таких земель Дауд и повстречал Роксану...

Тохаристан

Темные глаза Дауда неотрывно смотрели на женщину, что была все еще у его ног. Она так и не решилась подняться на ноги, боясь. Чего же она боялась?

– Поднимись, женщина. Тебе предстоит ответить на мои вопросы, и я жду от тебя честности. Поверь, ложь я распознаю, даже если ты украсишь ее красивыми и сладкими речами, – голос мужчины прозвучал холодно, предостерегающе.

Роксана поежилась от ледяного взгляда Дауда. Она медленно, с трудом, поднялась на ноги, и качнулась, ощущая, как все поплыло у нее перед глазами. Невольно, Дауд подался вперед и поддержал ее за плечо, укрытое в шелке. Молодая женщина затрепетала от его прикосновения и опустила взор вниз. Воспоминания об их первой встрече ожили в ее сердце. Глаза Роксаны увлажнились.

Мужчина заметил это. Он, что, сделал ей больно своим прикосновением? Дауд еще сильнее нахмурился. Он окинул красавицу пронзительным, полным ледяной стужи, взглядом.

– Теперь – отвечай на вопрос, женщина. Саид – твой муж?

Она вновь затрепетала.

– Да, – раздался ее тихий голос. Но Дауд расслышал ее ответ, поэтому продолжил свой допрос:

– Ты знаешь этого мужчину? – он указал рукой в сторону лжепророка, который продолжал блаженно улыбаться и что-то бурчать себе под нос.

– Я увидела сегодня его впервые, – бросив на старца быстрый, холодный взгляд, ответила она.

– Лжешь! – завопил Саид. – Ты – одна из нас! Забыла о наших обрядах, Роксана?

В зале повисла тишина. Роксана вся сжалась от услышанного. Ее язык онемел, и не одна разумная мысль не шла в ее голову. Дауд посмотрел на покрасневшего Саида, затем перевел задумчивый взор на молодую женщину.

– Тебе есть что сказать? – спросил он, обращаясь к Роксане.

– Лишь то, что я не собираюсь оставаться женой многобожника, ибо это – харам для мусульманки, – устремив взгляд прямо на Дауда, ответила молодая женщина. Мужчина чуть сощурил глаза, сился понять, откуда у него появилось странное ощущение, будто он уже видел когда-то подобный взгляд.

Он кивнул головой, принимая ее ответ, затем продолжил:

– Почему же тогда мусульманка танцевала для столь отъявленного лжеца?

Ресницы Роксаны дрогнули, но глаз своих она не отвела. Когда женщина ответила, голос ее звучал печально:

– Потому что Саид заставил меня это сделать. Двух своих жен – он сберег. Меня же, ту, которая не пошла за ним, он решил таким образом унижить и наказать.

– Лгунья! – вскрикнули в один голос, Малика и Амира. – Змея проклятая и завистливая! Ты наговариваешь на нашего господина!

Обстановка накалялась, но Дауд сохранял спокойствие. Он был проницательным человеком, обладавшим невероятным чутьем. За годы, что воин пробыл в войске Халида, он многое успел видеть – и предательство, и коварство, и лживые клятвы, и лицемерие...

– Почему бы женщине не открыть лицо? Быть может, она уродлива? – крикнул кто-то из собравшихся.

Роксана вся напряглась. Затем, раздался ее голос:

– Я покажу свое лицо после того, как будет вынесено решение относительно моей участи.

Она не договорила – оставив слова, повисшими в воздухе. Молодая женщина не хотела открывать лицо по многим причинам: она не хотела быть искушением для собравшихся, она не хотела, чтобы Дауд выносил решение, уже зная, кто перед ним стоит. Нет, не время, и не место.

– Лживая змея! – выкрикнула Амира, окидывая Роксану презрительным взглядом. – Что, боишься, кому-нибудь понравиться из этих мужчин? Кому ты нужна – бесполезная, холодная и пустая!

Роксана дернулась от ее слов, словно получила пощечину. Но не заплакала. Подобные слова были не новы для нее. Она молчала. Стояла ровно, с идеально прямой спиной. Ей было страшно, но уже не столь сильно, потому что теперь молодая женщина была уверена – Саид больше не сможет унижить ее более, чем в этот вечер.

Дауд шагнул к Роксане, окидывая ее задумчивым, лишенным каких-либо чувств, взором.

– Твоя самая большая мечта, женщина? Озвучь ее.

Она взмахнула ресницами, а затем ответила взволнованным, полным искренних чувств и стремлений голосом:

– Умереть с шахадой на устах, и быть в раю с теми, кого я люблю.

На миг, Дауд сомкнул веки. Их мечты были похожи.

– Невиновна, – вынес он свой вердикт оглушающее, громким голосом.

Раздался гул в зале, преимущественно, полный облегчения. Хотя бы одна женщина оказалась благочестивой! Но были и крики, проклятия и плач – это жены Саида изливали свою горечь и ненависть.

– Уведите в темницу! – холодно приказал Дауд, взмахнув властной рукой в сторону веротступников. Дети цеплялись к своим матерям, напуганные, а матери прижимали их к себе, тогда и их сыновей отправили вместе с ними – пусть побудут вместе последнюю ночь. На рассвете они расстанутся навсегда.

Всего – около шестидесяти человек отправились этой ночью под заключение. Как только предатели были уведены из зала, предводитель воинов начал раздавать приказы своим людям – те торопливо выбегали, спеша выполнить поручение своего лидера. Дауд подходил к гостям сегодняшнего, обличительного пира и задавал им вопросы. К счастью, среди оставшихся было всего лишь двое мужчин, которых так же было приказано отвести в темницу.

А Роксана, Роксана все стояла посреди зала, уставившись в одну точку перед собой. Ей не верилось, что все так случилось – все изменилось за одну ночь: ее муж был обвинен в предательстве, она избавилась от него, ее признали невиновный, и... Дауд оказался живым.

Он изменился. Все-таки прошло четырнадцать лет. От той мальчишеской улыбки и какой-то легкости не осталось и следа – мужчина возмужал, без сомнения, набрался опыта, ожесточился и стал подобен неприступной, высокой, смертельно опасной скале. Любой, кто попытался бы постичь эту скалу, сорвался бы вниз, разбиваясь насмерть. В его движениях, взгляде, голосе и даже в том, как Дауд просто стоял, проскальзывала энергия власти, силы и опасности.

Роксана не знала – дозволено ли ей уйти, и все же, когда она осмелилась направиться к позолоченным дверям, мужской голос окликнул ее:

– Остановись! Я еще не узнал всего того, чтобы было нужно мне.

Голос принадлежал Дауду. Роксана затрепетала. Она, без сомнения, остановилась, но не повернулась к нему лицом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Если Господь закрывает одну дверь, Он открывает тысячу других.

Дауд стремительной походкой подошел к ожидавшей его женщине, укутанной в алые шелка. Он почувствовал ее волнение и сдержал чисто мужскую, самодовольную усмешку. Мужчина ведь знал, как женщины реагируют на него. Неважно, в каких землях он был – северных, восточных, южных – каждая волновалась в его присутствии.

Роксана собралась с духом. Тысячи вопросов и мыслей посетили ее голову, но еще больше – израненные сердце и душу. Она задрожала еще сильнее, ощутив спиной, как Дауд приблизился и остановился в двух шагах от нее.

– Покажи свое лицо, женщина, – приказал он, не сводя с нее внимательного взгляда темных глаз.

И хотя Роксана знала, что мужчина попросит ее об этом, она вся затрепетала, услышав его приказ. Неспешно и несмело, молодая женщина обернулась, на повороте стягивая с лица плотную вуаль. Раздались восхищенные мужские, приглушенные голоса – перед ними стояла изумительная красавица, равной которой они еще не видели.

Предводитель молчал, вглядываясь в ее лицо.

Перед ним стояла та самая девчонка, что когда-то упала ему в руки. Сердце Дауда на миг дрогнуло, опьяняя воспоминаниями из прошлого. Затем, привычная рассудительность и холод вернулись к воину. Тогда, он обратился к молодой женщине:

– На рассвете твой бывший муж будет казнен. Все его имущество будет конфисковано. Ты можешь вернуться к своим родителям или же, остаться в Бактрии – мои воины и я не причиним тебе вреда. Ты – мусульманка, и, значит, твоя честь, кровь и имущество – неприкосновенны для каждого из нас.

Его голос был холодным, без капли теплоты. Но только Дауд знал, скольких усилий стоило ему все это. Потому что, как бы он не хотел, сладкие воспоминания, словно стайка птиц, стучались в его душу, готовые вот-вот наполнить ее радостью и одновременно горечью.

– Я не знаю, живы ли мои родители, – дрожащим голосом начала Роксана, глядя то на свои обнаженные ступни, то на мужественное, но отстраненное лицо Дауда. – Я не знаю, что мне делать.

Ее признание было искренним и наполненным уязвленным чувством. Она выглядела потерянной и взволнованной и... невероятно чарующе – красивой.

– Проводите женщину до ее покоев и охраняйте ее. В этом дворце, быть может, найдутся те, кто захотят причинить ей вред, – приказал Дауд, и тут же, двое воинов выступили вперед, готовые сопроводить Роксану. Молодая женщина сдержала грустную улыбку и обняла себя за плечи, в надежде поддержать саму себя. Холод, исходивший от Дауда, невольно или же намеренно, причинил ей боль. Но что она ждала от него? Роксана сдержала подступившие слезы. Качнув головой, она отвернулась от мужчины и поспешила, сопровождаемая своей новой охраной, покинуть этот ужасный, полный унижения и горечи, зал.

Лишь оказавшись в своих покоях, плотно прикрыв двери, молодая, но такая одинокая красавица позволила сдерживаемой ценой невероятных усилий боли, вырваться наружу. Она упала на кровать, зарываясь лицом в шелк. Рыдания сотрясали гибкое тело Роксаны, печаль разлилась по ее крови, а одиночество с беспощадностью вонзило свои клыки в ее нежное, столь ранимое, и без того израненное сердце.

Что она хотела?

Что Дауд признается ей в любви? Возьмет под свое покровительство? И, неужели она настолько глупа, что на миг позволила себе вновь представить себя его женой? А теперь, вот она, расплата – плачь, рыдай, сокрушайся... но прошлого невозможно было изменить...

Роксана прорыдала так до утреннего намаза. Прочитав молитву, женщина еще долго сидела, обращая свою мольбу к Единственному, Кто мог ей помочь. Лишь на Него она уповала.

Утро принесло новости. Саид не дожил до казни, как и его жены, как и их малолетние сыновья. В рубиновых перстнях старца лжепророка был спрятан яд. И он «милостиво» раздал их своим самым приближенным, отрезая их путь к покаянию. Саид, Малика, Амира а так же сам лживый старик, приняли его, умирая в страшных, мучительных агониях. Мальчишки тоже испили яд. Подоспевший лекарь бросился спасать детей – но те были уже мертвы. В отличие от взрослых, они просто уснули, умирая во сне тихо и незаметно.

Эта новость вызвала печаль у Дауда. Сейчас, глядя на маленькие, безжизненные тела, он сожалел, что проявил прошлой ночью ненужное милосердие, позволив детям провести последнюю ночь с матерями. И вот плоды этому – смерть. Их матери не пощадили сыновей.

Оставшихся людей повели на смерть. Никто из них не озвучил слов раскаяния, глаза их горели безумным, фанатичным светом. Их участь была предрешена. Когда солнце окрасило своими лучами крыши домов в багровый цвет, кровь вероотступников окрасила плаху и меч в алый...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда жизнь складывается наперекор нашим желаниям, мир вокруг нас подобен лечебным иглам и целебным снадобьям: он незаметно врачует нас.

Когда мы не встречаем сопротивления, мир вокруг нас подобен наточенным топорам и острым пикам: он исподволь ранит и убивает нас (Восточная мудрость).

Айсель, сохраняя молчание, медленно проводила гребнем по блестящим, шелковистым волосам своей госпожи. Та тихо плакала. И плакала она не о себе.

Весть о погибших сыновьях Саида больно ранила ее. Не имело значения, что их отец и матери обижали ее, Роксану. Она не переносила свою горечь и боль на невинных детей. Теперь, все они были мертвы. Ее сердце скорбело по ним. Душа стонала от бессилия и страдания. Уста Роксаны шептали молитву, а прекрасные глаза проливали искренние слезы.

В полдень мальчиков уже похоронили на местном кладбище. Их родителей и всех других вероотступников похоронили далеко за пределами города – таков бесславный конец тех, кто отступил от истины и последовал за своими страстями и ложью.

Во дворец пришел новый хозяин.

Дауд разослал своих людей по всей Бактрии, дабы разведать обстановку. Одетые, как нищие, они должны были разузнать – кто из предателей остался еще на этой земле. Воин знал – не стоит рассчитывать на то, что все враги мертвы – это было слишком просто, если даже не наивно. Такая зараза незаметно расползается по обществу, заражая его своим ядом. И вот уже сотни могут быть смертельно отравлены ложью...

Дауд прикрыл на миг глаза, вспоминая прекрасную танцовщицу.

Роксана.

Губы невольно изогнулись в горькой усмешке. Как печальна судьба человека – как часто все складывается совсем не так, как мечталось. Между ними была пропасть – время, безжалостное, время, которое принесло перемены каждому из них, разделяя Дауда и Роксану.

Мужчина нахмурился. Пусть так. И все же, он был, по воле Аллаха, предводителем своей судьбы. И то, что в его силах, он может воплотить в жизнь. Это решение заставило его быть стремительным. Уверенным шагом Дауд покинул роскошные комнаты на первом этаже и поднялся по мраморной лестнице на второй, без труда обнаруживая нужные покои – они, как и было приказано, охранялись воинами. Мужчины, стоявшие возле высоких дверей, почтительно расступились, пропуская своего лидера.

В дверь настойчиво постучали. Айсель испугано выронила гребень, а Роксана, подскочив на ноги, торопливо набросила на голову, скрывая волосы, плотное покрывало. Видя испуганное выражение лица своей служанки, молодая женщина поспешила к дверям. Протянув руку, Роксана заметила, как дрожат ее пальцы. Она шумно вздохнула и открыла дверь.

Роксана не ожидала увидеть его. Она думала, что Дауд покинул этот дворец еще утром, с тем отрядом войск, что направился в другие княжества Бактрии. Молодая женщина затрепетала, встретившись с острым взглядом мужчины. Она застыла у порога, не позволяя ему зайти, не зная, как поступить, и что появление Дауда значит для нее.

– Ты не одна? – произнес мужчина. От его вопроса по коже Роксаны побежали мурашки. Слова Дауда прозвучали слишком интимно. Горло молодой женщины сдавило от нахлынувшего волнения.

– Нет, – выдохнула Роксана, делая шаг в сторону и позволяя, наконец, воину зайти в комнату.

Айсель собралось было уйти, но Дауд остановил ее словами:

– Будь здесь. Я не остаюсь с чужой женщиной наедине.

Роксана вздрогнула, невольно задетая его словами. Но мужчина был прав – она была чужой для него. Ни жена, ни сестра, никто... Чужая.

Служанка вся вжалась в стену, а Дауд подошел к окну, Роксана на негнущихся ногах последовала за ним, вставая в нескольких шагах от воина. Невольно, она устремила свой взор на него, любясь им. Дауд обладал мужественной, завораживающе – суровой красотой – у него были темные, густые волосы, убранные назад. Они были еще влажными после купания, и от них сходил приятный, терпкий аромат благовоний. Брови мужчины – с небольшим надломом, черные, и необычайно притягательные глаза редкого оттенка, которой смешал в себе три цвета – золотистый, темно-карий по окружности и глубокий, насыщенный серый цвет ближе к зрачку. Ресницы у Дауда имели черный цвет и были красиво изогнутыми. Таким роскошным ресницам позавидовала бы не одна девушка. Кожа мужчины была сама по себе смуглой, но под влиянием солнечных лучей и ветров, стала грубой, но не потеряла своей привлекательности. Лицо Дауда украшала темная борода, кое-где скрывавшая старые шрамы на нем. Другие же, как например, этот, у левого уха, тянувшейся узкой полосой к шее, были явственно видны. Пока Роксана собиралась с мыслями, она успела сосчитать семь шрамов на голове и шее воина.

Дауд видел и еще больше ощущал, что молодая женщина наблюдает за ним. Он размышлял, глядя вдаль – там, внизу, за стенами виднелся караван, уходящий на восток. Солнце плескалось в песках, лучи его беспощадно нагревали воздух и пустыню. Но не только оно могло повышать температуру. Стоявшая поблизости Роксана заставила Дауда ощутить странный жар в своей груди. Жар желания – сильный, яркий, стремительно разносящийся по его сильному телу. Мужчина на один короткий миг сжал челюсти, приказывая своим чувствам и желаниям утихомириться. Затем Дауд перевел на Роксану спокойный, задумчивый взгляд.

– Я могу помочь тебе, – произнес он, скользнув взглядом по нежному лицу красавицы. Как она расцвела! Ее красота была совершенной, на мгновение, Дауд даже огорчился, не обнаружив изъяна во внешности Роксаны. И хотя ее тело, ее красота сильно привлекали мужчину, он понимал – это всего лишь сладострастие, которому он не позволит взять над собой верх. У Дауда было, где и с кем развлечься и насладиться – в своих военных походах он добыл не только славу, золото, но и наложниц. Некоторые из них сопровождали его в пути, другие – ждали в одном из его домов в Малой Азии.

– Помочь? – встрепенулась Роксана, и в глазах ее отобразилась надежда.

– Да, – Дауд перевел свой взор вновь на пустынный пейзаж. – Я pošлю гонцов на твою родину, чтобы они разыскали твоих родителей или же принесли вести о них – живы ли они. Это займет некоторое время. Когда они вернутся и подтвердят, что твои родители живы, ты сможешь отправиться вместе с караваном к своей семье.

Молодая женщина молчала, размышляя. Живы ли ее мать и отец? Как они воспримут ее возвращение? Как скоро случится их встреча? И случится ли она – или ей, Роксане, не к кому будет возвращаться? Будто читая ее мысли, мужчина продолжил ровным, бесстрастным голосом:

– Если же твои родители умерли, ты сможешь остаться в Бактрии и выйти замуж за одного из достойных мусульман. Со мной таковых пришло немало.

С последним предложением, Дауд посмотрел на Роксану. Она смотрела на него, не зная, что ему ответить. Ей было больно от услышанного, так больно, что все слова куда-то исчезли, напуганные этой болью.

Словно не замечая ее состояния, воин сказал:

– А пока тебе придется потерпеть мое общество. Я, посланный навести здесь порядок, беру тебя под покровительство – до тех пор, пока ты не выйдешь вновь замуж, а это может случиться, как ты знаешь, лишь через три месяца – по истечению срока, дабы удостовериться, что ты не ждешь ребенка.

– Это невозможно, – сорвалось с побелевших губ Роксаны. Она вздрогнула, испуганно глядя на нахмуренное лицо Дауда. Его взгляд – тяжелый, пронзающий, казалось, саму душу, требовал ответа. И ей пришлось ответить.

– Я бесплодна, – бледнея, выдавила молодая женщина из себя, – поэтому, я не рассчитываю на женское счастье. Все, что я хотела бы теперь – вернуться к родителям.

Если слова Роксаны и удивили Дауда, то на его лице ничего не отобразилось. Он был спокоен, почти равнодушен. Еще некоторое, увы, не слишком долгое время, мужчина стоял рядом. Их разделяло всего несколько шагов, и десятилетия, и все изменения, что постигло каждого за эти непростые годы.

Ей было хорошо – стоять вот так, поблизости с ним. Столь забытое спокойствие окутало Роксану, давая ей немного расслабиться и насладиться моментом. Затем, пришли назойливые, болезненные мысли – каждая, начинавшаяся со слов: «А что, если бы?»...

Если бы этих лет разлуки не было?

Если бы они были мужем и женой, и вот так, будучи супругами, любовались волшебным пейзажем из их собственного дома?

Если бы..

Эти слова, подобные тончайшим, раскаленным иглам, пронзили сердце и душу Роксаны. Но не только ей одной.

Похожую боль испытывал в этот миг и Дауд.

Если бы...

Коварные слова, вводящие в заблуждение. Приносящие, сперва, одурманивающие мечты, а потом, жестокое пробуждение от них. Нужно высечь на сердце – прошлого не вернуть. Он, Дауд, как предводитель армии, как лидер и воин, должен понять – той девочки больше нет. Рядом с ним – чужая женщина. И, судя по ее красным глазам, оплакивавшая своего мужа. Вероятно, Роксана, все же, любила его.

– У тебя есть время до вечерней молитвы. После нее – ты отправляешься вместе со мной в соседнее княжество.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Не поднявшись на высокую гору, не узнаешь высоты неба (Сюнь-Цзы).

Дауд вглядывался в темное небо, на котором, блестящей россыпью, раскинулись манящие звезды. Далекие, прекрасные...

Они держали путь на юго-восток, в самое богатое и плодородное княжество Бактрии. Предводитель понимал, что в столь роскошных местах может быть много искушения. Для всех. Люди, живущие в постоянном благе, нередко, забывают о Том, Кто даровал им их. Тогда, они могут начать проявлять неблагодарность и подступить к опасной черте...

Черный конь Дауда недовольно зафыркал, чувствуя недовольство своего хозяина. Мужчина провел ладонью по его коротко постриженной гриве, успокаивая животное. Невольно, предводитель обернулся, окидывая острым взглядом ступающего чуть подальше белого верблюда. Именно там была та, кого мужчина взял, на время, под свое покровительство.

Он действительно хотел помочь ей. Все имущество Саида было конфисковано, а это значило, что Роксана осталась без крыши над головой и каких – то средств. Украшения были не в счет. Она, прожившая практически затворницей в доме Саида, была неприспособленна к реальной жизни. Жизни, полной опасности, вероломства и насилия. Особенно, когда дело касалось красивой женщины. А Роксана была именно таковой. Он, Дауд, лично займется ее благоустройством в этой жизни и поможет выбрать в этот раз достойного мужа для нее.

Сам он себя таковым не видел. Он вообще не собирался связывать себя узами брака, зная свой тяжелый характер. Дауд был слишком одиноким и ожесточенным воином, чтобы впустить в свое одиночество, в свой мир, кого-нибудь еще. Мужчина не искал, и уж, тем более, не ждал любви.

Роксана сохраняла молчание. Сидевшая рядом Айсель, что-то щебетала, размешивая в глиняной тарелке завтрак для себя и своей госпожи. Мысли молодой женщины были не здесь. Она, утомленная, погруженная в водоворот собственных чувств, смотрела вдаль – на линию горизонта, где уже поднималось солнце. Его лучи озарили серое небо розовыми полосами.

Караван остановился по причине утреннего намаза. Совершив его, воины начали спешно завтракать. Один из них передал еду и молоденькой служанке. Это была простая, незамысловатая, но сытная еда – похлебка. Но она показалась Роксане невероятно вкусной. Молодая женщина с удовольствием поглощала ее, не забыв поделиться пищей с Айсель. Они сидели прямо на расстеленном, на песке покрывале, не обращая внимания на любопытные взгляды сновавших туда-сюда воинов. Их было так много, что они, казалось, заполнили собой все пространство. Мужчины о чем-то успевали говорить, кто-то смеялся, кто-то приглушенно беседовал. Кто-то – стремительно двигаясь по пескам, раздавал приказы. Это был Дауд.

Роксана услышала его голос прежде, чем увидела мужчину. Наконец, ее взгляд скользнул по его фигуре. Предводитель стоял к молодой женщине спиной, и красавице захотелось увидеть его лицо, столь сильно, что она даже побоялась моргнуть, опасаясь проглядеть этот момент. Наконец, Дауд обернулся и тут же, встретился с Роксаной взглядом. Она задрожала, будто тело ее охватила лихорадка. Дауд был таким чужим и одновременно таким родным...

Понимая, что смотрит дольше дозволенного, молодая женщина сомкнула веки. Ее сердце так громко стучало, что мешало полноценно дышать и мыслить. А затем – все изменилось. С горизонта песчаной волной на путников понеслась буря. Роксана еще не поняла, что происходит, как оказалась накрытой плотным покрывалом и прижатой сверху мужским телом. Даже не видя, кто защищает ее, сердцем она *видела*. Это был Дауд.

Ее голова прижалась к его кольчуге, которая поцарапала щеку Роксаны. Но в этот миг молодой женщине было все равно на эту незначительную боль. Красавица вся трепетала.

Но не от нахлынувшей страсти. Нет. Это чувство было намного глубже, чем плотское желание. Роксана ощущала духовное единство с Даудом. Будто их израненные души, наконец, встретились и прикоснулись друг к другу.

Молодая женщина ощущала аромат его кожи – и он не был ей противен, а, наоборот, приятен и близок. Она чувствовала дыхание Дауда – частое, прерывистое. И ей показалось его дыхание самым красивым звуком на свете. Его руки касались ее тела, но при этом прикосновения Дауда были целомудренными и в какой-то мере вынужденными: его ладони и пальцы были на плечах Роксаны, удерживая ее от столь опасного сейчас вставания на ноги. Буря была в самом разгаре.

В другой раз Дауд бы не стал прятаться от ненастья, а поспешил спасать животных. Но сегодня он имел нечто ценное, нежели конь или верблюд. Эта женщина была под его покровительством, и мужчина намерен был уберечь ее от несчастий.

Воин прикрыл глаза и сжал крепко-крепко, до скрежета зубов, челюсти. Близость с Роксаной разбередила его раны в душе – они закровоточили, причиняя ему боль, по силе своей, не уступающей ранам от меча. Она смогла пробудить в нем то, что он считал умертвленным им самим многие годы назад.

Он ощущал под своими крепкими пальцами мягкую плоть женщины. Под его ладонями трепетала птица, пойманная и взволнованная. Вот такое сравнение пришло Дауду в голову. Его раздирало два противоречивых желания в этот миг: чтобы песчаная буря, наконец, закончилась, а вместе с ней и эти странные чувства. И другое – чтобы это ненастье не заканчивалось...

И все же, буря ушла – так же внезапно, как и появилась. А с ней ушло и вынужденное, но уединение. Люди начали подниматься на ноги. И Дауд был одним из первых, кто сделал это. Он стряхнул с покрывала золотисто-красный песок, быстрым взглядом прошелся по Роксане. Та как раз встала на нетвердые ноги, разыскивая служанку – Айсель уже бежала к ней. Не говоря ни слова, предводитель направился к своим воинам – узнать, не пострадал ли кто во время ненастья.

И уже совсем скоро бесконечно длинный караван продолжил свой путь...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Роксана пришла в себя лишь к вечеру. Внезапная, вынужденная близость с Даудом наполнило ее сердце мечтами. Женщина понимала – они несбыточны, но как сладки они были! Она смаковала каждый миг их уединения, вспоминая все до мельчайших подробностей, Роксана представляла снова и снова их счастливое будущее, жизнь, в которой было бы место для нежности и любви. Незаметно для себя, красавица заснула – на полных губах ее застыла улыбка.

Айсель, украдкой наблюдавшая за своей госпожой, заметила ее мечтательное выражение на лице. Девушка улыбнулась в ответ – давно она не видела Роксану столь счастливо – задумчивой. Бедная ее, прекрасная госпожа! Когда же счастье посетит ее? Айсель зашептала молитву, прося у Создателя блага для Роксаны. Она любила свою добрую и красивую госпожу. И речь шла больше не о внешней красоте, а другой, той, что была более значимой – духовной.

Меж тем, на смену дня пришел вечер, принося с собой долгожданную прохладу. Солнце закатилось за горизонт, оставляя на темнеющем небе прощальные, ярко – красные вспышки. До места, куда войско держало путь, оставалось немного. Уже завтрашним утром они придут в княжество. Вновь были приказано сделать привал. Тут же, были разожжены костры, над которыми начали готовить поздний, но такой желанный ужин. Аромат его наполнил остывающий воздух. Люди, утомленные путем, желали малого – немного отдохнуть и поесть. А после, вновь можно будет вскочить в седло и двигаться дальше. Удел мужчины – двигаться вперед, а не разнеживаться на одном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.